

УДК 94 (47).084.9+323.332
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-130-138

Реакция на иностранцев в ходе реконструкции Выборгского ЦБК в 1985–1987 годах

М. О. Пискунов

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Цель статьи – проанализировать тактики любопытства рабочих Выборгского ЦБК и их семей наряду с тактиками удержания местных властей в отношении более полутора тысяч финских строителей и инженеров, прибывших на реконструкцию комбината. Работа находится в обширном поле ревизионистской историографии СССР. Однако автор не просто проблематизирует устаревшие тоталитаристские представления, а приходит к выводу, что даже на материале небольшого рабочего поселка и его завода можно найти основания для применения, по крайней мере, к позднему СССР понятия гражданского общества. Гражданское общество при этом понимается не в либеральном ключе – как простая совокупность негосударственных политических институтов – а в русле исходной гегельянской традиции, т. е. как не сводимая к государству сложность социальных групп с собственными интересами и поведением.

Ключевые слова

советский субъект, советские рабочие, ВЦБК, иностранцы в СССР, гражданское общество

Для цитирования

Пискунов М. О. Реакция на иностранцев в ходе реконструкции Выборгского ЦБК в 1985–1987 годах // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 1: История. С. 130–138. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-130-138

Social Reactions toward Foreigners during the Vyborg Pulp and Paper Plant Reconstruction (1985–1987)

M. O. Piskunov

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia*

Abstract

Over 1,500 Finnish workers arrived to the Sovietsky settlement (Vyborg district, Leningrad region) in 1985 to reconstruct the Vyborg Pulp and Paper Plant (VPPP). The local party and state authorities connected their presence with the profiteering of western goods, prostitution, mendicancy and religious literature distribution in the settlement. To oppose these tendencies they tried to mobilize workers' "consciousness". This event is considered very useful for historians from the point of view of a psychoanalytical collision that could help a subject to manifest and construct itself. The

© М. О. Пискунов, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 1: История
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 1: History

author studied curiosity tactics of local workers and control tactics of local authorities, concluding that the described tendencies were mostly a product of the authorities' imagination, as a means to control the population. The locals reacted differently to both the presence of foreigners and control attempts of the authorities. The nature of individuals' reactions depended on their social position within the relations of production of the Soviet plant. For example, workers from the production workshops of the VPPP participated in the volunteer auxiliary police unit more actively than their other colleagues. This was obviously a political move, as these volunteers prevented close communication between Soviet and Finnish citizens. Workers from the production workshops were more privileged and therefore had to perform their informal political duties – whether they agreed with them or not. The general conclusion is that historians could use the notion of a “civil society” based on the events during the last years of the Soviet Union for further research. The author considers a “civil society” to be a social non-state complexity that consists of several groups, each with their own interests and behaviors. Future studies could provide a more concrete structure of that Soviet civil complexity.

Keywords

soviet subject, Soviet workers, the VPPP, foreigners in the USSR, civil society

For citation

Piskunov M. O. Social Reactions towards Foreigners during the Vyborg Pulp and Paper Plant Reconstruction (1985–1987). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 1: History, p. 130–138. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-130-138

Взаимодействие между советским государством / обществом и иностранцами – это сюжет, который сегодня лежит на переднем крае исторических исследований СССР. Его значение не только в том, что он в очередной раз проверяет на прочность устаревшие тоталитарные интерпретации мира советского человека, но также в уникальной антропологической рамке этой темы. Иностранец, особенно из стран капиталистического мира – это большой Другой для советского человека, равно как и советский человек – это большой Другой для попадавших в СССР иностранцев. Понятие «Другой» здесь используется в психоаналитическом ключе и описывает ситуацию зеркального столкновения человека с феноменом, который одновременно воспринимается и как родственный, и как совершенно чужой [Жижек, 1999]. Другой – это своего рода кривое зеркало, которое не просто отражает смотрящегося в него индивида, но на различии позволяет тому отчетливее проявить себя.

В этой статье мы бы хотели обратиться к сюжету технической реконструкции Выборгского целлюлозно-бумажного комбината (далее – ВЦБК) и окружавшего его пос. Советский в 1985–1987 гг. Реконструкция, решение о которой было принято на уровне Совета министров СССР еще в начале 1980-х гг., подразумевала полное техническое перевооружение и перестройку предприятия под новейшее финское и австрийское оборудование. Примечательность стройки в том, что строительство новых цехов и монтирование оборудования должны были осуществлять финские рабочие и инженеры. Параллельно с ними должны были работать советские рабочие и строители, занятые перестройкой поселка. В пос. Советский (до 1944 г. – финское поселение Йоханнес), расположенный в Выборгском районе Ленинградской области, с населением около 3 тыс. чел., приехало такое число иностранцев, какого тут не было с самого конца Великой Отечественной войны, когда на место бежавших или высланных финнов приехало русское население разоренных боями деревень Нечерноземья [Мельникова, 2009].

Реконструкция советских промышленных объектов (в том числе заводов целлюлозно-бумажной промышленности) под западные образцы уже привлекала внимание исследователей [Там же]. Однако в их фокусе находились в основном вопросы трансфера технологий, в то время как нам было бы интереснее обратиться к социальной ситуации взаимодействия примерно равных сообществ советских граждан и финских строителей в пос. Советский. Эта ситуация позволяет проследить активность советского «гражданского общества» (за неимени-

ем лучшего слова воспользуемся этим термином) – совокупности локальных советских институтов (партия, профсоюз, комсомол, ДНД и т. п.), которые оказались предоставлены сами себе в необычной ситуации соседства с иностранцами.

Наша реконструкция реакции советских институтов на массовое присутствие рядом с собой иностранцев опирается на подход А. Юрчака, настаивающего, что к коммунистической партии и ее идеологии даже в позднесоветское время относиться нужно серьезно. Не так уж важно, действительно ли герои нашего повествования и советские люди 1980-х гг. в целом верили в коммунистическую идеологию – важно, что система производила определенный дискурс и требовала от своих членов его воспроизводства. Как демонстрирует А. Юрчак, советские люди, даже в том случае, когда они стремились дистанцироваться от советского дискурса, все равно делали это через его воспроизводство и последующее переопределение [2014. С. 165–223].

Тезис данной статьи состоит в том, что иностранцы сами по себе воспринимались руководителями низовых структур советского «гражданского общества» как идеологическая угроза. Руководствуясь логикой воспроизводства господствующего дискурса, партийные руководители инициировали кампанию, которая должна была идеологически мобилизовать рабочих ВЦБК и жителей пос. Советский демонстрировать лояльность советскому образу жизни. Противоречивость этой кампании высветила внутренние разломы микроуровня советского общества и спровоцировала их углубление. Таким образом, чрезмерная (но необходимая в рамках официального дискурса) реакция советских руководителей на мнимую иностранную угрозу подрывала авторитет самого господствующего авторитетного дискурса.

Приезд почти полутора тысяч финских строителей воспринимался советским руководством стройки, завода и поселка как политическая и идеологическая проблема. Вопросы идеологического контроля советского населения в основном падали на плечи местных партийных и административных органов. Очевидная трудность этого контроля заключалась в том, что финские строители и рабочие ВЦБК проживали в одной местности, а общая численность финнов была сопоставима с половиной населения пос. Советский до начала реконструкции. Кроме того, дополнительной головной болью для начальства, стремившегося свести к минимуму контакты между иностранцами и советскими гражданами, было то обстоятельство, что многие финны жили и работали в Советском только в будние дни, а на выходные уезжали к себе в Финляндию. Иначе говоря, стройка не просто предоставляла местным жителям возможность общения с иностранцами – она давала им постоянный контакт с границей.

Этот контакт сразу же проявился в расцветшей в поселке пышным цветом «фарцовке». «Фарцовкой» в СССР называли покупку / продажу / перепродажу дефицитных товаров, чаще всего брендовых предметов одежды и аксессуаров [Романов, Ярская-Смирнова, 2005]. Партийные и заводские документы ВЦБК очень много говорят о фарце, она первым делом идет в списке отрицательных аспектов пребывания иностранцев в пос. Советский. В апреле 1986 г. на собрании партийной организации выступила секретарь Выборгского горкома КПСС С. А. Абдуллина, которая упрекнула собравшихся в том, что они попустительствуют фарцовщикам, и сослалась на то, что происходящее подрывает веру финских коммунистов в Советский Союз: «У вас проживает много молодежи, вы ее знаете в лицо, как же можете допустить, что многие из них фарцуют? Часто приходится встречаться с финскими коммунистами, они с большой озабоченностью говорят об обстановке в Советском»¹.

Сложно сказать, насколько организованной была фарцовка на стройке ВЦБЗ. Формальной причиной негативного отношения к фарцовке было ее сходство со спекуляцией. Однако в целях идеологического контроля советские власти были заинтересованы, чтобы представлять

¹ ЦГА ИПД СПб. Ф. О-2554 (Фонд первичной партийной организации КПСС на ВЦБК). Оп. 3. Д. 69. Л. 61.

любой обмен между советским гражданином и иностранцем как возможную спекуляцию. Обратим внимание на контекст, в котором упоминается фарцовка. Вот отрывок из выступления В. Н. Коробова, бригадира слесарей древесно-биржевого цеха, год спустя в ходе обсуждения партийцами 23 апреля 1987 г. контрпропаганды рядом с финнами: «В поселке стали заметны и фарцовщики, и девицы легкого поведения. Нездоровый интерес к иностранцам проявляют и школьники. На заводе уже было много случаев воровства финского имущества и инструмента...»².

В выступлении фарца идет в одном ряду с проституцией (?), нездоровым интересом к иностранцам школьников и воровством на стройке. К сожалению, общий контекст только усложнил понимание того, какими именно были социальные последствия появления финнов в пос. Советский. Из всего этого перечня отрицательных явлений, пожалуй, только последнее понятно без дополнительного комментария.

Попробуем последовательно разобраться с остальными частями перечня. Под «нездоровым интересом» школьников, насколько нам удалось разобрать, понимается, прежде всего, попрошайничество. Так, заместитель секретаря партбюро П. Волков, отчитываясь перед товарищами о проделанной к весне 1986 г. работе в области идеологического контроля, отметил: «Созданная и утвержденная на партбюро комиссия содействия семье и школе во главе с членом КПСС Лебедевой Л. В. проводит работу с детьми по предотвращению попрошайничества и безнадзорности»³.

Гораздо сложнее понять, что подразумевается под явлением, которое Коробов обозначил как «стали заметны... девицы легкого поведения». Первая и очевидная мысль, что речь идет о проституции. Однако против такого толкования есть целый ряд соображений. Во-первых, ни один руководитель завода и поселка в протоколах собраний не говорит, собственно, о проституции – как и Коробов, они используют эвфемизм «легкого поведения». Во-вторых, сложно представить себе организованную проституцию (валютную) в небольшом поселении, расположенном относительно далеко от того же Выборга (до города около часа езды на автомобиле). Наконец, в нашем распоряжении есть любопытный отчет начальника Советского отделения милиции В. С. Лобова на партийном собрании конца апреля 1987 г. В частности, в нем он коснулся абсолютного количества задержаний с начала года и их соотношения по причинам, а также посетовал на «распутное поведение наших женщин»: «С начала года было 440 задержаний по различным причинам. Из них 103 в нетрезвом состоянии, 39 случаев хулиганства. За приставания к иностранцам задержано 53 женщины. Милицией привлекались 65 чел. финнов. Из них 42 чел. по линии ГАИ, 14 чел. за пьянство и 9 чел. за нарушение правил проживания. Очень распушенно ведут себя наши женщины. Только с 1 марта по 22 апреля в милицию было доставлено 19 женщин за посещение финского городка»⁴.

Хотя до конца мая 1987 г. советское законодательство не содержало наказания за занятие проституцией и, соответственно, милиция не могла фиксировать ее в качестве преступления, тем не менее, по совокупности создается впечатление, что под «распутным поведением» и «девицами легкого поведения» представители советского руководства подразумевали скорее естественное общение полов, которое, однако, включало проблемных для власти людей – иностранцев. И поэтому ради сохранения своего идеологического контроля над поселком партийные и административные руководители были склонны стучать краски и описывать под видом проституции совсем другое явление.

² ЦГА ИПД СПб. Ф. О-2554. Оп. 3. Д. 73. Л. 6.

³ Там же. Д. 69. Л. 66.

⁴ ЦГА ИПД СПб. Ф. О-2554. Оп. 3. Д. 73. Л. 7.

Скорее всего, аналогичным образом обстояло дело и с фарцовкой. Чаще всего в ней обвиняли заводскую молодежь, которую членам партии предстояло перевоспитать в соответствии с «советским образом жизни». Другими словами, едва ли речь шла о спекуляции, скорее, о жажде личного потребления брендовых иностранных товаров, которые можно было достать через финнов. На это же указывают сетования советских руководителей разных уровней на пассивность и даже попустительство большинства заводчан в отношении фарцовщиков, что едва ли было возможно, если бы речь шла о настоящей спекуляции, как правило, вызывающей острое недовольство. Тот же милиционер Лобов в своем выступлении жаловался на свое бессилие как представителя государства и просил общественного вмешательства в проблему: «В коллективах завода, конечно, знают, кто занимается фарцовкой. Но пассивное отношение большинства окружающих к этому поддерживает их и придает им уверенности. Их поведение нужно выносить на открытое обсуждение в коллективе. К сожалению, милиция не может применить к ним определенных строгих мер, кроме небольшого штрафа, так как закон пока к этим нарушителям слишком мягок»⁵.

Наконец, еще одним вызывающим озабоченность партийного руководства фактором была религия. После изгнания финнов в 1944 г. в пос. Советский не было церкви, а сам религиозный вопрос признавался заводскими пропагандистами периферийным. Тем не менее в своем докладе на собрании партийной организации ВЦБК, посвященном вопросам идеологии и контрпропаганды, в апреле 1987 г. уже руководитель парткома завода П. Волков счел нужным напомнить собравшимся о том, что «западные идеологические центры стремятся не только поддержать, но и насаждать религиозность, придать ей антисоветскую и националистическую направленность»⁶. Посетовав на недостаточное внимание местных партийцев к религиозным вопросам, Волков обратил их внимание на то, что такая деятельность «...проявляется в попытках переправить в СССР религиозную литературу. Появилась такая литература и в поселке». К сожалению, непонятно, о какой именно литературе и о каких ее количествах идет речь. Кроме этого выступления Волкова, более тема религии в Советском за последнее советское десятилетие не всплывает (нескольким годами ранее заводские пропагандисты признавались, что вопрос атеистической пропаганды для трудового коллектива – периферийный).

Реакция советских руководителей на все эти явления разворачивалась в двух плоскостях: идеологической и административно-мобилизационной. Идеологическая реакция на наличие рядом с собой полутора тысяч иностранцев (по крайней мере, с августа 1986 г.) выступала в двух зачастую противоречащих друг другу ипостасях: в отношении финнов должен был работать комитет «Общества дружбы СССР – Финляндия», а среди советских строителей и рабочих действовал Комитет по контрпропаганде партийной и комсомольской организаций пос. Советский.

Теоретически Общество дружбы с Финляндией было призвано привнести дух сотрудничества между жителями Советского и финнами, а также познакомить их с культурой друг друга. Из практических мероприятий Общества можно назвать, например, две проведенные в конце 1986 г. лекции: «Финляндия – наш северный сосед» и «Современная политическая обстановка в Финляндии», а также советско-финляндский вечер 15 января 1987 г. «Что мы знаем друг о друге». Нетрудно заметить, что адресатом этих мероприятий выступали преимущественно советские рабочие и строители завода, в то время как финны в рамках своих соглашений с советской стороной оставались предоставлены сами себе. Идеологическая важность Общества дружбы и одновременно относительная фиктивность его работы выражалась хотя бы в том, что его местный комитет возглавлял директор завода В. Найдин, а его заместителем там был

⁵ ЦГА ИПД СПб. Ф. О-2554. Оп. 3. Д. 73. Л. 7.

⁶ Там же. Л. 32.

начальник отдела технического надзора Н. Кузнецов. Учитывая их административные обязанности в развернувшейся стройке, едва ли они имели возможность полноценно заниматься пропагандистской работой.

Зато полноценной пропагандистской работой занимался Совет по контрпропаганде завода. Его структура дублировала структуру партийной и комсомольской ячеек ВЦБЗ и была направлена на агитацию в цехах за «превосходство советского образа жизни». Здесь стоит порассуждать о двусмысленности идеи «контрпропаганды» на советских граждан (!) на советской территории (!). Во-первых, само выражение «контрпропаганда». Приставка «контр-» означает, что это пропаганда, которая противостоит чьей-то другой пропаганде. Однако находившиеся в пос. Советский финны не вели никакой пропаганды. Тем не менее партийные руководители и активисты воспринимали описанные выше связанные с иностранцами явления как свидетельство своих идеологических «недоработок». Похоже, что само присутствие иностранцев воспринималось как враждебная пропаганда. Этот ход мысли нетрудно реконструировать – если фарцовка, как утверждали партийные идеологии, есть неуважение к советскому образу жизни, то наличие финнов с их западной одеждой, западной едой, западной музыкой и т. д. вводит советского гражданина в искус самой простой фарцовки, для себя. Такая иезуитская логика принуждала партию мобилизовывать большие ресурсы на агитацию в цехах против западных брендовых товаров, агитацию изначально провальную – хотя бы потому, что она не содержала в себе никаких аргументов, кроме морализаторства, а также входила в противоречие с тем, что утверждалось по линии «Общества дружбы СССР – Финляндия». В конце концов, если финнов и советских людей связывает дружба, а взаимный обмен и обогащение между народами приветствуются, то почему потребление финских товаров или сколько угодно близкое общение с финскими рабочими это предательство советского образа жизни? Во-вторых, следует обратить пристальное внимание на тот факт, что партия отказалась от активной коммунистической пропаганды среди финнов, ограничиваясь, по сути, оборонительной пропагандой для своих, которая как таковая была не столько пропагандой идей, сколько формой идеологического контроля.

Такой формат бессодержательной идеологической работы вел к тому, что партийные активисты и цеховые начальники стали просто ее саботировать. Этот пассивный саботаж проявлял линии разлома в общественной жизни завода: говоря словами Альфа Людтке [2010], «своевольные»⁷ производственные цеха против лояльных администрации вспомогательных. Наличие этого разлома, именно когда речь идет об идеологической работе, подтвердил секретарь парткома завода П. Волков в своем докладе организации 23 апреля 1987 г.: «Используют эту возможность (вызов лекторов «Знания» из Выборга и Ленинграда. – М. П.) в основном только цеха вспомогательного производства. Руководство остальных цехов, испытывая трудности при обеспечении аудитории, не умея, а может и не желая заинтересовать рабочих, при попустительстве партийной и профсоюзной организаций стараются отказаться от лекции, даже если ее и навязывают»⁸.

Уклонение от выполнения решений партии проявилось и в такой организационно-административной мере противодействия последствиям присутствия иностранцев в пос. Советский, как участие в патрулях дружины завода. 26 февраля 1987 г. было принято «Положение о добровольной народной дружине по охране общественного порядка на Выборгском цел-

⁷ Термином «своеволие» (Eigensinn) А. Людтке обозначает пространство свободы действий, которое было у немецких рабочих конца XIX – начала XX в. на капиталистической фабрике. Это не столько данное пространство, сколько постоянно выбиваемое, которое рабочий различными стратегиями «крадет» у своего босса, то, что рабочий делает на работе, чтобы реализовывать себя в качестве человека, а не в качестве подчиненной должностным обязанностям функции труда.

⁸ ЦГА ИПД СПб. Ф. О-2554. Оп. 3. Д. 73. Л. 30.

люлозно-бумажном заводе», регламентировавшее деятельность ДНД⁹. Любопытно, что задачи этого института в документе включали не просто поддержание общественного порядка и помощь милиции, но и воспитание советских трудящихся. Согласно положению, ДНД подчинялась партии, а комплектовалась по производственному, цеховому принципу из наиболее «сознательных» рабочих, не имеющих нареканий по части трудовой дисциплины.

Всего в составе ДНД числилось более 90 чел. Несмотря на это общее внушительное число, реальные ежедневные патрули ограничивались небольшими бригадами – согласно положению, не менее четырех чел. Эти дружинники должны были дежурить в своем опорном пункте на заводе или в клубе поселка. Чередование дежурств означало, что средний дружинник отдавал этой деятельности едва ли более одного вечера в месяц. Руководили дружинами цехов или отделов цеховые начальники и их заместители. Общее руководство ДНД осуществлял штаб, теоретически ежегодно избираемый самими дружинниками. Кроме того, положение предписывало не реже раза в месяц проводить общие собрания дружины, на которые приглашались «особо злостные нарушители общественного порядка» для коллективного разбора их поведения. Наиболее вопиющие случаи предполагалось освещать в местной печати.

Тем не менее требования этого документа довольно быстро вошли в противоречие с реальной жизнью завода и поселения. Во-первых, дружине постоянно не хватало людей. Как мы отмечали, имеющиеся 90 чел. «размазывались» тонким слоем на ежедневные смены. Бригада в 4–5 чел. едва ли была способна оказать местной милиции серьезную поддержку. При этом увеличить количество людей в бригаде означало одновременно увеличить количество дежурств на каждого дружинника, что в свою очередь било бы по их мотивации. Это связано со вторым обстоятельством: даже имеющиеся дружинники зачастую не выходили в свою смену. При этом цеховые партийные и профсоюзные организации не могли или не хотели контролировать выполнение графика дежурств своего цеха. В середине 1987 г. при обсуждении этого вопроса на заводском партийном собрании докладчик высказался довольно определенно относительно саботажа некоторых цехов: «А вот в таких цехах как транспортный, древесный, УКС, отдел капремонта, отряды дружинников не созданы вообще или совсем немногочисленны»¹⁰.

Отметим, что жалобы на производственную и партийную дисциплину в транспортном и древесном цехах, а также ремонтном отделе можно было наблюдать и в предыдущие годы – безотносительно иностранцев. Теперь к ним добавилось еще и управление капитального строительства, чья деятельность также подразумевала большое количество слабоквалифицированного ручного труда, который было тяжело политически мобилизовать. Перед нами неоднократно отмеченная [Clarke et al., 1993] советская «цеховщина», осложненная традиционной советской недооценкой роли вспомогательного труда [Filtzer, 1992]. Рабочие и руководители основных цехов получали большую часть инвестиций и влияния на предприятии. Они осознавали свою значимость для власти и для производства. Соответственно, на них же падала и большая часть ответственности за политическую миссию советского предприятия – из этих отрядов рабочих формировались наиболее крупные цеховые ячейки партии. И наоборот, пренебрежение вспомогательными цехами и их рабочими в глазах руководителей предприятия вело к пассивному отношению последних как к своим производственными обязанностям, так и к политическим инициативам руководства.

На материале ВЦБК наша эвристическая схема – иностранцы как Другой – отлично проявила себя. Появление полутора тысяч иностранцев в пос. Советский заставило местные советские организации и институты развернуть кипучую деятельность. К 1985 г. идеологические амбиции партийных руководителей низшего и среднего звена уже не включали в себя

⁹ Там же. Л. 23.

¹⁰ ЦГА ИПД СПб. Ф. О-2554. Оп. 3. Д. 69. Л. 83.

надежду распропагандировать финнов и ограничивались консервативной защитой «советского образа жизни». Иными словами, речь шла об усилении контроля над советскими гражданами, для которого иностранцы выступали как своего рода триггер. Документы партийных собраний ВЦБК говорят о конструировании руководителями опасностей от иностранцев – те ищут среди своих подчиненных религиозную литературу, фарцовку, проституцию, попрошайничество. Акценты расставляются максимально жестко: явления, находившиеся в «серой зоне» советского законодательства (фарцовка, проституция), интерпретируются как подлежащие немедленному милицейскому вмешательству.

Одновременно руководители стройки продвигают официальную линию о дружбе советского и финского народов. Получается логическаявилка: финский рабочий друг советского рабочего, но само его присутствие проявляет в советских гражданах худшие качества, требующие максимальной идеологической мобилизации коллективов. Реакцией коллективов и организаций пос. Советский на эти дискурсивные кульбиты своих лидеров стал непрямой саботаж идеологических инициатив. Степень этого саботажа зависела от степени привилегированности того или иного коллектива в системе советского управления заводом и поселком: рабочие основных цехов комбината выступают (или вынуждены выступать) как «более сознательные», рабочие вспомогательных – менее.

Эта ситуация позволяет сделать несколько предварительных замечаний более общего характера. Представляется, что наиболее перспективным понятием, описывающим сложность находящихся вне государственного контроля советских институтов и коллективов, является «гражданское общество». Это понятие, рожденное в условиях рыночных обществ, обычно обозначает совокупность таких форм и способов организации людей, которые существуют автономно (но не обязательно независимо) от государства [Ридель, 2014]. Гражданское общество – это эрзац рынка в социальной и политической сферах, система обратной связи для современных буржуазных государств. Степень автономии советского «гражданского общества» довольно условна, однако нельзя сказать, что ее не существует вовсе. Описанная ситуация с реакцией советских институтов и рабочих на иностранцев позволяет представить «гражданское общество» предперестроечного (строго говоря, 1985–1987 гг. – это уже первая фаза перестройки, но, как представляется автору, такие явления имеют разную темпоральность в политических и культурных центрах и на периферии) СССР как пассивную систему обратной связи. Конечно, никто из рабочих комбината прямо не скажет партийным или милицейским начальникам, что в поисках фарцовщиков они ищут черную кошку в темной комнате, но само «голосование ногами» в ДНД и на заводских идеологических семинарах наводит именно на такие выводы.

Список литературы / References

- Жижек С.** Возвышенный объект идеологии. М.: Худож. журнал, 1999. 234 с.
Zizek S. Vozvyshennyi sub'ekt ideologii [The Sublime Object of Ideology]. Moscow, Hudozhestvennyi zhurnal, 1999, 234 p. (in Russ.)
- Людтке А.** История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. 271 с.
Lüdtke A. Istoriya povsednevnosti v Germanii: novye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti [Alltagsgeschichte in Germany: New Approaches to the Study of Labor, War and Power]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 271 p. (in Russ.)
- Мельникова Е.** Своя чужая история: финская Карелия глазами советских переселенцев // Неприкосновенный запас. 2009. № 2. С. 55–75.
Melnikova E. Svoya chuzhaya istoriya: finskaya Kareliya glazami sovetkikh pereselentsev [Our Own Foreign History: the Finnish Karelia Through the Eyes of a Soviet Settler]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency Ration], 2009, no. 2, p. 55–75. (in Russ.)

- Ридель М.** Общество, гражданское // Словарь основных исторических понятий. М., 2014. Т. 2. С. 93–220.
Riedel M. Obschestvo, grazhdanskoe [Civil Society]. In: Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatii [Dictionary of Basic Historical Concepts]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, vol. 2, p. 93–220. (in Russ.)
- Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р.** Фарца: подполье советского общества потребления // Неприкосновенный запас. 2005. № 5. С. 62–68.
Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. Fartsa: podpol'e sovetskogo obshchestva potrebleniya ["Fartsa": the Underground Soviet Consumption Society]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency ration], 2005, no. 5, p. 62–68. (in Russ.)
- Юрчак А.** Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое лит. обозрение, 2014. 664 с.
Yurchak A. Eto bylo navsegda, пока не konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie [Everything Was Forever, Until It Was No More: the Last Soviet Generation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 644 p. (in Russ.)
- Clarke S., Fairbrother P., Burawoy M., Krotov P.** What About the Workers. London, Verso, 1993, 258 p.
- Filtzer D.** Soviet Workers and De-Stalinization: The Consolidation of the Modern System of Soviet Production Relations 1953–1964. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1992, 340 p.

Материал поступил в редколлегию

Received

02.09.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

- Пискунов Михаил Олегович**, преподаватель кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, mpiskunov@eu.spb.ru)
Mikhail O. Piskunov, Lecturer, Department of Russian History, Humanitarian Institute, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, mpiskunov@eu.spb.ru)